

27. Lietuvių pavardžių žodynas: 2 t. / A. Vanagas, V. Maciejauskiene, M. Razmukaite. Vilnius: Mokslas, 1985–1989.
28. LVIA (Lietuvos Valstybės Istorijos archyvas – Государственный исторический архив Литвы). F. № 604. Ap. № 11. Vt. № 24.
29. LVIA. F. № 604. Ap. № 11. Vt. № 25.
30. LVIA. F. № 604. Ap. № 47. Vt. № 2.
31. Lyberis A. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos inst., 2001. 951 p.

J.A. Gurskaja
Fragments of the Linguistic World-View
Reflected in Slavonic and Baltic Anthroponymy

Key words: *anthroponymy; onomastics; proper name; world-view.*

National and cultural specific animalistic metaphors in Slavonic and Baltic anthroponymy are investigated in the article. The basis of the metaphors of the investigated anthroponyms is anthropocentrism reflected in them as the realization of an ancient tradition to ascribe the features of human character to animals. The majority of the animalistic metaphors reflected in anthroponymy possesses sustained connotations and is derived from phraseological comparisons functioning in the language.

Е.В. Ничипорчик

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

УДК 811.161.1: 398.91

Речемыслительные стереотипы
в формировании нормативно-ценностного пространства культуры
(на материале паремиологических единиц)

Ключевые слова: *паремия; продуцент паремии; оценочное значение; сравнение; ассоциативная связь; модель; конструкция; структура; стереотип.*

В данной статье речь идёт о закономерностях формально-грамматической и содержательной организации паремий, реализующих оценочное значение. Опираясь на понятия «когнитивный» и «речевой стереотип», автор анализирует причины обращения продуцентов оценочных паремиологических единиц к семантико-синтаксическим моделям, отражающим бинарный способ восприятия, осмысления и описания мира.

Любое пословичное выражение, как и любой продукт речевой деятельности, подразумевает реализацию некоторого авторского замысла, представляющего собой единство идеи и формы реализации этой идеи. Учитывая

то, что в паремиологическом пространстве обнаруживается значительный фонд общих для этого пространства элементов, к числу которых относятся и собственно паремийные идеи в виде своеобразных ментальных конденсатов, и устойчивые способы передачи этих идей [8, с. 4–9], надо полагать, что в процессе формирования нормативно-ценностного пространства культуры средствами языка человек опирается на определённые схемы построения оценочных высказываний, обусловленные, с одной стороны, стереотипами восприятия и осмысления мира, с другой стороны, стратегиями и тактиками текстопорождения.

Если ограничиться только теми паремиями, которые представляют субъектно-предикатную форму организации мысли, то мы выходим на целый ряд частных моделей логико-синтаксической организации, конституирующих речемыслительные стереотипы, связанные с выражением оценочного отношения. Таковыми моделями являются логико-синтаксические структуры, отражающие процедуры уподобления, разуподобления, отождествления, противопоставления, предпочтения. Почему же стихийно избираются формы, имеющие отношение к категории компаративности? Причины очевидны: системы отношений и корреляций, сформированные на основе категории компаративности, позволяют представить знания о мире, во-первых, максимально наглядными, если учесть, что в «приоритетных для номинатора мотивационных моделях» используются преимущественно «предметно-тематические коды» [6, с. 57, 58]; во-вторых, максимально понятными, так как данные «предметно-тематические коды» представляют категории обыденного сознания; в-третьих, запоминающимися, так как осмысление элементов одной сферы действительности через элементы другой сферы действительности есть способ передачи эмоциональной заряженности адресанта адресату [9, с. 48, 56].

Естественно, что формульный «паремийный реквизит» (1), используемый для обозначения ассоциативных связей, представляющих частные виды компаративных отношений, устанавливаемых на основании универсальной процедуры сравнения, неоднороден. Проследим, какие же структуры, манифестирующие компаративные отношения, регулярно используются продуцентами паремий для выражения оценочных смыслов.

Приоритетными среди таких структур являются структурно-семантические модели, отражающие процедуру установления сходства. Простейшей формулой выражения значения подобия является формула, в которой обозначения уподобляемых объектов сопряжены отношениями предиктирования с участием компаративных частиц: *Баба что жаба* (2); *Женское сердце что ржа в железе*; *Клевета что уголь: не обожжет, так замазает*; *Мужик богатый что бык рогатый*; *Доброе слово человеку что дождь в засуху*; *С тобой водиться что в крапиву садиться*; *На вдове жениться что старые штаны надевать: не вошь, так гнида*; *Дурака учить что мертвого ле-*

чить. При всём многообразии ассоциативных связей, отражённых в бионимативных и биинфинитивных предложениях-паремиях, показательно то, что языковые обозначения сопоставляемых объектов, как правило, представляют разные логико-понятийные ряды. Этот логический сдвиг и является, с одной стороны, основой экспрессии, с другой стороны, условием актуализации оценочных коннотаций лексем, функционирующих в предикате. На оценочные смыслы в таких контекстах «работают»: узуальные либо контекстуальные оценочные коннотации предикатных номинаций и распространителей этих номинаций, оценочная маркированность лексем аргументирующей части, фоновые знания, позволяющие с опорой на предшествующий опыт (соответствующий когнитивный фрейм) верно определить, к какому полюсу аксиологической оценки относится объект.

Другая простейшая формула со значением подобия – это осложнённое сравнительным оборотом двусоставное предложение с глагольным сказуемым и незамещённой позицией подлежащего. Уподоблению подвергаются, как правило, действия, характеризующиеся разными носителями, первый (характеризуемый по действию) субъект (обычно человек) в структуре устойчивого выражения не находит вербального обозначения; второй субъект непременно обозначен и, как правило, представляет иной «предметный» ряд (животное, вещество, растение и др.), реже – «иногое» человека, то есть человека как носителя иных сущностных характеристик: *Глядит, как змея из-за пазухи; Надулся, как мышь на крупу; Наелся, как бык, и не знает, как быть; Сидит, как курица на яйцах; Смотрит, как волк на теля; Растет, как пшеничное тесто на опаре; Прибился, что придорожный пенё; Торопится, как слепой в баню; Носится, как дурень с писаною торбой; Пристал, как пьяный к тыну.* Оценочное отношение к действию человека выражается на основании характеристики образа этого действия. Антиперсонифицирующая направленность ассоциативной связи (одна из наиболее регулярно проявляющих себя когнитивных констант в провербиальном пространстве) в абсолютном большинстве случаев создаёт условия для формирования неодобрительной, уничижительной коннотации. Положительная оценка, связываемая с удовлетворением положением дел, менее «провокативным» в плане эмоционального реагирования, в паремиях анализируемой структуры, скорее, исключение, чем закономерность.

Есть и другие модели со значением уподобления: глагольная с одним и тем же субъектом – носителем процессуального признака (*Женился, как на льду обломился; Глядит, будто пятерых живьем проглотил, шестым поперхнулся; Ходит, будто три дня не евши*), атрибутивная (*Гол, как осиноый кол; Ряб, будто черти на нем горох молотили*), субстантивная (*Житье, что беловежскому зубру (и кормят, и поят, и по воле ходит, и работы нет)*). Очевидно, что квалификативно-оценочную функцию выполняет сравнительный оборот / сравнительная предикативная часть, причём определение характера

оценки требует аксиологической компетенции реципиента, связанной не столько со знанием языка, сколько с умением включать актуализированное знание «в более или менее широкий “внутренний контекст” предшествующего опыта и переживать отношения к этому знанию в связи с текущей ситуацией» [4, с. 66]. Оценка может быть вынесена и в первой части паремиологической единицы, если вербальное обозначение характеризующего признака имеет системную аксиологическую маркированность. В этом случае сравнительная часть служит лишь интенсификации обозначенного отношения: *Труслив, как заяц, блудлив, что кошка; Завистлив, что поповские глаза; Крепок, как дуб, упрям, как осёл.*

В биноминативной провербиальной модели со значением тождества, так же как и в конструкциях с компаративными союзами и частицами, эксплицируется соотнесение двух сходных «картинок», номинация одной из которых реализуется в идентифицирующей функции, номинация другой – в квалификативно-оценочной. Лексема в предикате употребляется, как правило, во вторичном метафорическом значении и оформляет отношения тождества в силу того, что системой языка ей первично задан непредикатный денотативный статус. Оценка при этом оказывается интенсифицированной за счёт оживления наглядных представлений: *Барская милость – кисельная сытость; Бабий язык – чёртово помело; Брюхо – злодей: старого добра не помнит; Очи наши – ямы, руки наши – грабли; Наше счастье – решето дырявое; Кабак – пропасть, там и пропасть; Сердце без тайности – пустая грамота.* Продуктивность биноминативной провербиальной модели с метафорическим употреблением лексемы в предикате позволяет прийти к выводу, что иноозначивание квалифицирующего понятия, использование предметно-языкового кода вместо обычной, непредметной, сугубо признаковой дефиниции является ещё одной когнитивной константой провербиального пространства, имеющей отношение к выражению оценочных смыслов.

Иноозначивание, реализующее квалификативно-оценочную функцию, наблюдается и в структурах не с параллельным представлением двух картинок, а с их совмещением в одной: *У него совесть еще в прошлом году в бутылке задохлась; О нём и память потонула; У него чердак без верху: одного стропильца нет; Правда глаза колет; Мое счастье разбежалось по сучкам, по веточкам.* И в этих структурах ключевую роль в формировании оценочных смыслов играют предикатные номинации, характеризующиеся оценочными семами, наведёнными из контекста либо заданными системой языка. Соккрытие подлинных смыслов, тайна, оживляемая образом, в одних случаях служит смягчению разящего жала критики, в других, напротив, приданию выражению сатирической остроты. Эмоционально-оценочная энергия креативной формы может мотивироваться и поиском сочувствия.

В конструкциях отождествления с предикативным сопряжением инфинитивов основанием для ассоциативной связи ситуаций, обозначаемых в

позиции подлежащего и сказуемого, является либо сходство этих ситуаций, либо причинно-следственная связь между ними; равнозначность для человека этих ситуаций позволяет связать их отношениями тождества. *С дураком говорить – солому молотить; Умней себя наставлять – в реку воду таскать; Неразумного учить – в бездонную кадку воду лить; Счастье пытать – деньги терять; Украсть – в беду попасть; Правдой жить – от людей отбыть; неправдой жить – бога прогневить; С умом жить – беды изжить, а без ума жить – в дураках быть.* Если в структурах с отождествлением причины и следствия лексемы, используемые для обозначения ситуации-следствия, обладают, как правило, узуальными оценочными коннотациями, то в структурах с отождествлением ситуаций на основании их подобия определение аксиологической маркированности ситуации, наименование которой функционирует в предикатной позиции, требует от реципиента аксиологической компетентности иного рода. Это тот случай, о котором Е.М. Вольф пишет следующее: «Описываемое в тексте “положение вещей” иногда само по себе предполагает оценку с определённым знаком + или –. При этом понять то или иное сочетание, не имеющее оценочных слов, как оценочное и определить его знак (+/–) позволяет знание “картины мира” и соответствующих критериев оценок, принятых в данном языковом коллективе» [3, с. 396].

Аналогичные механизмы формирования оценочных смыслов наблюдаются и в отрицательных конструкциях отождествления с предикативным сопряжением инфинитивов. С одной стороны, это модели со значением отрицания позитивных ожиданий (ситуации ассоциируются на основании каузирующей связи между ними), при этом в предикате непременно наличествует лексема с позитивной оценочной коннотацией, являющаяся наименованием объекта достижения: *Дома жить – чина не нажить; Жене спускать – добра не видать; Правду говорить – друга не нажить; Бояться несчастья – и счастья не видать.* С другой стороны, модели со значением неравносильности (сопоставляемые ситуации ассоциируются на основании отсутствия подобия, а точнее, по контрасту в плане трудности / лёгкости совершения действия, значимости / пустяковости дела и т.п.): *Языком молоть – не дрова колоть; Пахать – не в дуду играть; Дело вести – не лапти плести; Воспитать ребенка – не выпустить цыпленка.* В предикатной позиции в таких структурах лексемы с оценочным значением, как правило, отсутствуют, однако пословичные выражения в целом не лишены оценочных смыслов. Использование подобных паремий в речи может быть сопряжено с выражением упрёка или осуждения тех, кто осознанно или неосознанно игнорирует принятое в обществе соотношение ценностей, и в основе данных интенций – контраст оценок, связанных с одобрением «трудного» дела, поляризующегося по значимости с лёгким, либо неодобрением «лёгкого» дела, обесценивающегося на фоне более значимого «трудного».

Отрицательные конструкции отождествления с предикативным сопряжением номинативов, реализующие значение разуподобления на основании несходства двух объектов реального мира, так же как и конструкции с компаративными частицами, в силу наличия специальных языковых средств (а именно частиц), эксплицирующих процедуру сравнения, обращают нас к соотнесению двух денотатов, а не денотата и признакового следа другого денотата, как в конструкциях с метафорой: *Жена не лапоть: с ноги не сбросишь; Сердце не лукошко: не прорежешь окошко; Любовь не картошка: не выбросишь в окошко; Счастье не конь: хомута не наденешь; Слово не воробей: вылетит – не поймаешь*. Такие суждения по причине очевидности различия сопоставляемых денотатов столь же паралогичны, что и суждения о сходстве двух объектов с непрозрачной мотивацией этого сходства (ср.: *Счастье не батрак: за вихор не притянешь* и *Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, он пуще шипит*), именно поэтому и те и другие суждения непременно имеют структурную часть, поясняющую сопоставление.

В большей части паремий со значением разуподобления отсутствие общего для сопоставляемых объектов свойства связывается с неудовлетворением потребностей человека, и паремии используются в речи как сетования, то есть характеризуются отрицательным эмотивным зарядом: *Годы – не птица: улетят – не поймаешь; Норов – не клетка, его не переставишь; Чужой рот – не свои ворота, не затворишь; Совесть – не повесть: в архив не сдашь*. Значительно уступают по своему количеству паремии, в которых указание на отсутствие признака служит выражению положительного отношения к детерминируемому объекту. Выражаемое при этом одобрение является основой для придания паремии рекомендательной функциональной направленности: *Ремесло – не коромысло; плеч не отдавит, а век пропитает; Знания – не кошель, за плечами не носить; Грамота – не болезнь, годы не уносит*.

Биноминативная конструкция с частицей *не* многозначна и предполагает реализацию значения не только разуподобления двух разных объектов мира, но и дезидентификации (3) того или иного объекта, то есть лишения объекта сущностных свойств, по которым он обычно опознаётся. Смысл приёма дезидентификации в выражении негативной оценки к дефинируемому объекту по исключению его из «родного» таксономического ряда: *Курица не птица, баба не человек; Курица не птица, Польша не заграница; Кобыла не лошадь, а баба не человек; Леченая скотина – не животина; Вешний путь – не дорога, пьяного речи – не беседа*.

Наиболее ярко проявляется отмеченная Т.Г. Бочиной «аксиологическая сущность бинарного способа восприятия, осмысления и описания мира и формирования нормативно-ценностного пространства культуры» [2, с. 14] в конструкциях со значением противопоставления, несоответствия, контраста. Весьма разнообразны в паремиях и приёмы языковой игры, основанные на контрасте (4). Не все паремии, в которых так или иначе проявляет себя кон-

траст, являются оценочными по своему функциональному предназначению, однако даже в дескриптивных паремиях обнаруживают себя поляризующиеся в аксиологическом плане понятия. Можно сказать, оценка «пронизывает» структуры с контрастирующими понятиями в разных направлениях. Ср.: *В драке богатый лицо бережёт, убогий – кафтан; Молодому жениться рано, старому поздно; Добрая жена дом сбережет, а худая рукавом растрясет; От умного и брань на пользу, от дурака и ласковое слово ни к чему; Я его выручил, а он меня выучил; Учение – свет, неученье – тьма; Глупый киснет, а умный всё промыслит; Есть – словцо, как мёд сладко; нет – словцо, как полынь горько.* Для структур с непредикатным употреблением аксиологически маркированных лексем оценочные смыслы составляют интерпретативный план. Если же употребление аксиологически маркированных лексем связывается с предикатной позицией, то оценка является явной и указание на положительные свойства одного объекта служит, как правило, интенсификации негативного отношения к другому объекту и наоборот. Обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве конструкций, реализующих значение противопоставления, первый член оппозиции маркируется положительно, а второй – отрицательно. Объясняется это тем, что назначение в речи паремических суждений с контрастом оценок чаще всего связывается с реакцией на негатив, и поэтому именно во второй части, как информативно более значимой, содержится дефиниция негатива.

Такая же последовательность вынесения оценок наблюдается и в структурах, служащих квалификации одного и того же объекта по наличию у него контрастных свойств: *Снаружи мило, а внутри гнило; Красна ягодка, да на вкус горька; Лицом детина, да разумом скотина; В людях Илья, а дома свинья; Голова с лукошко, а мозгу ни крошки; На брюхе шелк, а в брюхе-то щелк; Ростом с Ивана, а умом с болвана; Видом сокол, а голосом ворона.* Указание на наличие у объекта характеристики негативного свойства девальвирует его положительные качества, и структура в целом служит выражению негативного отношения к детерминированному объекту.

Модели с общеоценочными терминами *лучше, хуже* относятся к оценочным суждениям с достаточно широким спектром частных значений, подробно описанных Н.Д. Арутюновой [1, с. 251–270]. При этом в качестве сопоставляемых объектов могут выступать аксиологически детерминированные объекты либо объекты, подлежащие аксиологической детерминации в связи с ситуацией выбора. Ср.: *Догадка лучше разума; Счастье лучше богатства; Быть сильным хорошо, быть умным лучше вдвое; Доброе молчанье лучше худого ворчанья; Худой мир лучше доброй драки; Лучшее своя свечка, чем чужая печка; Домашний теленок лучше заморской коровы; Близкий сосед лучше дальней родни; Синица в руках лучше соловья в лесу; Совет хорошо, а дело лучше; Последний смех лучше первого; Лучше гнуться, чем переломиться; Лучше дать, чем взять.*

Аксиологическая значимость сопоставляемых объектов в паремиях с восходящим компаративом не безразлична для семантики всего высказывания в целом. Предпочтение добра иному добру, добра (в том числе и девальвированного) – худу (в том числе и компенсированному), меньшего зла – большему, качества – количеству, своего – чужому, реального – иллюзорному, более действенного – менее действенному и т.д. согласуется с логикой предпочтений в ценностной картине мира, в этом случае конструкция используется в своём прямом назначении – сообщить о том, что является лучшим, чему следует отдать предпочтение, а от чего отказаться, если следовать принятым в обществе установкам. Однако если речь идёт о предпочтении крайнего худа девальвированному добру или другому худу: *Чем с плачем жить, так лучше с песнями умереть; Лучшие камень долбить, нежели злую жену учить; Лучшие умереть, чем неправду терпеть*, – то конструкция используется как форма для выражения негативного эмоционального отношения к худу. Сравнение отвергаемой ситуации с худшим из зол используется для усиления выражаемого эмоционального отношения к этой ситуации, а не для указания на имеющуюся реальную альтернативу.

Паремии с нисходящим компаративом могут использоваться: 1) для выражения отрицательной эмоциональной реакции на худо: *Житье хуже поповой собаки; Истома хуже смерти; Бедность всего хуже; Волокита хуже москита*; 2) для осуждения, порицания худа: *Упрямство хуже пьянства; Простота хуже воровства; Верхоглядство хуже незнания*; 3) для утешения (при представлении дефинируемого худа как не худшего из зол): *Ждать плохо, а догонять еще хуже; С мужем – нужа; без мужа – и того хуже; а вдовой да сиротой хоть волком вой*; 4) для предупреждения о том, что и хорошее / часть хорошего / девальвированное хорошее может быть проигрышным в том или ином отношении / худым: *Гусли – потеха, а хуже ореха (не насытят); Иное боярство хуже пономарства; Иная слава хуже поношения; Цыганская правда хуже православной кривды*; 5) для указания, что то или иное хорошее не хуже другого хорошего: *Догадка не хуже разума; Смелый приступ не хуже победы*; 6) для выражения иронического отношения к негативной оценке, намёка на несостоятельность, ложность негативной оценки: *День по дню хуже, а платье уже; Ныне народ хуже прошлогоднего: пришел ввечеру, а вышел поутру – скажут, что ночевал*.

Процедура сравнения отражена и в структурах с необщеоценочными компаративными формами прилагательных. Одни паремии связаны с выбором и рекомендуют отдать предпочтение тому объекту, который определяется посредством восходящего (положительно оценочного) компаратива (возможно только для структур с логической корреляцией понятий, представляющих позицию подлежащего и сказуемого), другие паремии используются для выражения собственно оценочного отношения, усиленного сопоставлением: *Свой сухарь сытней чужих пирогов; Дела сильнее слов; Нет легче дня*

против субботы и тяжелее понедельника; Тайный враг страшнее явного; Услужливый дурак опаснее врага; И малый стыд бывает сильнее большого горя; Скупой богач беднее нищего; Немой упрёк тяжелее сказанного; Согласие крепче каменных стен; Хвостун вреднее моли.

Для мотивации выбора того или иного характера совершения действия, того или иного образа жизни, поступка, как правило, используются выражения с наречными компаративами при глаголах: *Глубже вспашешь – веселее сплывешь; Полнее скроить – подоле носить; Больше узнаешь – сильнее станешь; Вдову взять – спокойнее спать; Меньше знаешь – крепче спишь.* В подобных паремииологических единицах оценочные смыслы выступают в качестве причинного обоснования рекомендации: *Паши глубже, ибо такой характер пахоты приводит к лучшим результатам = лучше глубже пахать.*

Компаративы слов категории состояния с частнооценочным значением в качестве конструктивных единиц в паремиях используются эпизодично, смысл таких пословиц заключается в выражении эмоционального отношения, а точнее, эмоциональной реакции на ту или иную ситуацию, в мотивации утешения, реже в выражении собственно оценки, связанной с предпочтением, то есть оценки, мотивирующей выбор: *Тошно тому, кто любит кого; а тошнее того, кто не видит его; Тяжело болеть, тяжелее того над болью сидеть; Баба с возу – кобыле легче; Голова болит, заду легче; Чем умнее голова, тем легче плечам; Легче руками работать, чем головой.*

Обращает на себя внимание тот факт, что частные виды компаративных отношений могут совмещаться в рамках одной паремииологической единицы (к примеру, отождествление и противопоставление, уподобление и противопоставление, уподобление и отождествление, отождествление и разуподобление). Контаминация средств, усиливающих выразительность паремического текста, не создаёт эффекта искусственного нагнетания приёмов, так как привлекаются знакомые когнитивные (5), привычный паремийный реквизит: *По бороде апостол, а по зубам собака; В одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи; Пока мямя разувается, расторопный выпарится; Голова, как у вола, а все кажется мала; Приторная лесть хуже полыни; Обиженный народ хуже ос жжёт; Один палец не кулак.*

Итак, итогом наших наблюдений является установление перечня речемыслительных стереотипов, объясняющих продуктивность целого ряда семантико-синтаксических структур, используемых продуцентами паремий для выражения оценки. На наш взгляд, данные речемыслительные стереотипы представляют собой, с одной стороны, когнитивные модели, на которые человек опирается, воспринимая и осмысляя мир, с другой стороны, речеповеденческие модели и установки, которыми руководствуется продуцент паремического текста, описывая и выражая своё отношение к миру.

Одним из центральных когнитивных стереотипов, определяющих форму суждения о мире в ценностно-ориентирующем ключе, является би-

нарный способ восприятия и осмысления мира, проявляющий себя во множестве частных когнитивных моделей, представляющих логическую процедуру сравнения. Частные виды логических операций, основанных на сравнении, ложатся в основу соответствующих стереотипов текстопорождения, определяя выбор синтаксических структур со значением уподобления, разуподобления, отождествления, противопоставления, предпочтения.

Важнейшими речеповеденческими установками, которые также имеют непосредственное отношение к выбору стереотипных речевых форм, служащих для выражения оценки, являются: 1) установка на иноозначивание, вторичное языковое обозначение аксиологически релевантных понятий (иными словами, продуцент паремий предпочитает избирать косвенные речевые тактики для выражения оценочных смыслов); 2) установка на выбор таких языковых средств, которые способны вызвать наглядно-чувственные представления, являющиеся гарантом адекватного понимания текста, адекватной интерпретации метасообщения; 3) установка на интенсификацию воздействующей силы текста, которая проявляется в выборе креативных (зашифрованных, паралогичных, небанальных) форм изображения действительности, создающих «напряжение» между внешним представлением содержательных аспектов паремии и её реальным значением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бочина Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2003. 50 с.
3. Вольф Е.М. О соотношении квалификативной и дескриптивной структур в семантике слова и высказывания // Известия АН СССР. Серия: Литература и язык. 1981. Т. 40, № 4. С. 391–397.
4. Залевская А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 62–73.
5. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах: учебное пособие. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Филол. ф-т СПбГУ, 2006. 280 с.
6. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в зеркале «растительных» метафор // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 57–77.
7. Ничипорчик Е.В. Жизнь – копейка, судьба – индейка: механизмы экспликации оценочных смыслов в русских паремиях // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2007. № 3 (42). С. 89–97.
8. Селиверстова Е.И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 47 с.
9. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. 190 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термин Е.И. Селиверстовой [8, с. 8].
2. В качестве источников фактического материала были использованы сборники пословиц и поговорок: Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. 616 с.; Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа.

Объяснительный словарь. М.: Сюита, 1996. 544 с.; Мудрое слово. Русские пословицы и поговорки / сост. А.А. Разумов. М.: Гос. изд-во детской литературы Мин. Просвещения РСФСР, 1957. 239 с.; Русские пословицы и поговорки / сост. М.А. Рыбникова. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 230 с.; Русские пословицы и поговорки / сост. Е.Ю. Нещименко. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 304 с.

3. Термин Т.Г. Бочиной; однако данный термин Т.Г. Бочина использует по отношению к структурам со значением разуподобления, исключая из «дезидентифицирующих пословиц» только те, в которых «разуподобление двух предметов сопровождается хотя-отношениями», это пословицы типа *Пословица не клинок, а колет в бок* [2, с. 37–38].

4. См. об этом подробнее Е.В. Ничипорчик [7, с. 144–150], Т.Г. Бочина [2, с. 34–43].

5. Термин *когнитема* Е.В. Иванова использует при анализе пословичных выражений в когнитивном аспекте для обозначения различных по объёму единиц их содержательного плана, представляющих собой «строительные блоки» пословичной картины мира [5, с. 97–99, 101–103]. Данный термин соотносим по значению с понятием *пословичный конденсат*, к которому обращается Е.И. Селиверстова, имея в виду «стоящую за пословицей кратко выраженную ее сущность в виде сжатой идеи» [8, с. 27, 42].

A.V. Nichyporchyk Speech-Intellectual Stereotypes in the Formation of Standard-Valuable Space of Culture (on the Material of Proverbial Units)

Key words: *proverb; producer of a proverb; estimated sense; comparison; associative connection; model; construction; structure; stereotype.*

The article deals with the regularities of the formal-grammatical and intensional organization of proverbs, which realize estimated meaning. On the basis of the notions of cognitive and speech stereotype the author analyzes the reasons why the proverbs producers refer to the semantic-syntactical models reflecting a binary way of perception, conception and description of the world.

Н.А. Родина

Смоленский государственный университет

УДК 811.161.1'373.232(038)

Современные смоленские студенческие прозвища (качественно-количественный анализ)

Ключевые слова: *прозвище; студенческая молодежь; Смоленск; коммуникативный аспект бытования прозвищ.*

В настоящей статье представлен материал, отражающий функционирование прозвищ в современной студенческой коммуникации. Обращается внимание на специфику употребления неформальной антропонимической категории прозвищ среди студентов семи смоленских вузов. Материал собран методом анкетирования и прямого интервьюирования.